

...Усталый, после долгих дум,
в своё село, в своё спасение
вернуться мне пришло на ум.
А так ли надо возвращение?
К кому приду? Зачем приду?
Там нет ни хаты, ни сарая.
Покой в любой земле найду.
Она везде, земля, сырая...

Николай Малашич

1.

...Ещё накануне марта метеорологи обещали приход обширного циклона. Весна вообще в этом году явно задерживалась; ночами ещё по-зимнему прижимал морозец, а днём, когда, по всем меркам, должно было бы потеплеть, солнце робко проглядывало сквозь плотную мглу небес, лишь серо освещая зябкое пространство притихших на-супленных закоулков как-то вмиг состарившегося центра города. А вскоре действительно нагрянувший циклон,

изрядно похозяйничав вокруг, завалил улицы и вовсе полуметровыми сугробами.

«Ну вот к чему такой снежище? Слякоть только разведёт излишне, и только... — поглядывая в новенькое пластиковое окно краевой клиники, беспричинно злился Фёдор, но тут же, заметив сорочье гнездо и птичью суету, улыбнулся: — Вот кому любая погода не в тягость...»

Ему была видна отсюда лишь часть забитой машинами улочки, чуть далее выходящей на проспект, где ныне, верно, из-за снега, случилась пробка. Но улочка, служившая, должно быть, знающим водителям в лучшие времена неплохим подспорьем, сегодня тоже остановилась напрочь. Узкий проезд утратил своё предназначение и вот уже добрых пару часов оставался без движения.

«И зачем людям столько машин? — вертелся в голове нелепый вопрос. — Отцы наши обходились же как-то без такого столпотворения, и успевали всегда, и дел великих наделали... А ныне смотреть противно — толчёмся стадом на месте, словно скопом всех в пробку автомобильную затолкали. Пешком — оно и быстрее, и безопаснее было бы. Ан нет! Каждый норовит на колёса вскочить, и пока башку не свернёт, ничем не остановишь».

...В клинику Фёдора почти насильно уложил сын, когда старик совсем расхромался и всё больше лежал в своей комнате, уставившись потускневшими глазами в телевизор.

— Совсем расклеился отец, — пожаловалась Мария сыну в последний его приезд. — Жалуется на ноги. Беда совсем. В клинику сам не идёт, ты бы повлиял на него, Серёжа...

Младший Нефёдов серьёзно напомнил Фёдору об инфаркте, свалившем его в постель год назад:

— Давай, отец, полечимся, не отказывайся, тебе ведь только шестьдесят четыре года. А у меня время и возможность позволяют...

И старик согласился. Правда, с одной стороны, было приятно, что у него такой заботливый состоятельный

сын, оплачивающий дорогостоящее лечение в краевой больнице, это почитай как в столице. А с другой стороны, Фёдор всерьёз стыдился почему-то чёрного громадного внедорожника, на котором под охраной его привезли в клинику, стыдился ложиться в отдельную палату, обустроенную туалетом, душем и телевизором, стыдился угодливого врача, во время короткого разговора почему-то не смотрящего прямо в глаза и тут же торопливо скользнувшего за дверь.

«Угораздило же ещё и побарствовать пред концом...» — разглядывая блестящие премудрости в душевой кабине, хмыкал язвительно про себя Фёдор.

Сын, оглядев палату, удовлетворительно подошёл к окну, деловито потрогал ручки, чуть приоткрыл и вновь закрыл подвижную раму. Фёдор, любопытствуя, тоже глянул из-за его плеча.

— Я как-то размышлял над тем, что нынче и строят, кажется, немало и красиво, и, надо признать, быстрее, а вот не радуется народ. Потому что при Советах срабатывало обещание: всем когда-нибудь построятся квартиры, для всех будет работать магазин, завод, порт... и прочее. Фальшь, конечно. Не для всех и при Советах было, но очередь была, надежда была. А нынче такой надежды нет... — продолжал язвить уже вслух Фёдор.

— У меня есть! — как-то беззаботно запросто усмехнулся сын.

— Э, сынок, это не та надежда. Когда только для себя что-то прихватил с общего стола, а рядом кто-то остался вообще без ничего, обязательно совесть заест. Помяни моё слово.

Сын повернулся от окна к отцу:

— Опять ты со своей совестью. Сколько говорить тебе, время не то сейчас...

— Да время всегда неизменно одно, другого наука не знает, а вот люди меняются, это нужно признать. А почему не для всех в больнице такой сервис? — совсем не требуя ответа, Фёдор хмуро глянул сыну в глаза.

— Пап, давай не будем повторять пустопорожний разговор о равенстве и справедливости. Лечись... и всё! — сын чуть нервничал.

Отец становился для него обузой, и это было невдомёк лишь простофиле какому-нибудь или совсем уж дураку. Наверное, потому, что себя таковым Фёдор не считал, он злорадно продолжал:

— Я так понимаю, для всех такого ухаживания не хватает, как и раньше, при Советах? Стало быть, и нынешний бизнес не справляется. Значит, по-прежнему, чтобы кому-то одному нужник отдельный предоставить, нужно всех ободрать как следует? Вы, небось, в этом своём бизнесе зарплату платите, как государство нам пенсию — на хлеб хватает, значит, сразу не помрут.

— Отец, согласись, ты-то не шибко обижен. Что за пустое свойство у тебя за других голову ломать? — Сергею начинал надоедать такой разговор.

— Во-во! Нынче вот эту пакостную психологию одинок вы все исповедуете. Не знаю, от кого только и переняли. Призвали вас нынче нефтью-газом торговать, а вы и возомнили себя вершителями судеб, не сознавая того, что всё ваше предназначение просчитано... кем-то, запрограммировано и заранее предрешено.

Врач, обещавший быстро вернуться, явно задерживался. Сын взял пульт и включил телевизор. Показывали преспевающего владельца какой-то недвижимости. Прислушавшись, Фёдор не преминул съязвить:

— От роду-то всего двадцать шесть лет, а у него уже дом на Канарах, возможность мотаться туда на полгода, и главное, всё это он, оказывается, за-ра-бо-тал! Где ж это нынче так зарабатывают, спрошу я тебя? Я, к примеру, отдал работе более сорока лет и, как ты знаешь, неплохо всегда зарабатывал — и когда слесарил на судоремонте, и когда мастерил в цехе на берегу, но, как видишь, только-только на хлеб к пенсии и имею. Что ж такого великого сделал этот сопляк, чтоб уже пользоваться таким пенсионом?

— Пап, ты это о чём? Чем забита твоя голова? У тебя сердце... посмотри на свои ноги! Ты полагаешь, у тебя есть время, чтобы искать ответ на эти дурацкие вопросы? — Сергей пытался урезонить отца и прекратить неуместное правдоискательство.

— От этих вопросов, между прочим, всегда зависит благополучие человечества... — это многозначительное «человечество» у Фёдора вышло серьёзным.

— Прекрати! Какое человечество в твоём положении? Ты подумай о себе.

— Ты прав, — Фёдор как-то сник. — Но пойми, обидно всё-таки...

— Обиды свои к государству адресуй, — сын тоже был почти серьёзен.

Тут Фёдор опять вспылал:

— К какому такому государству?! К тому, что мне, деревенскому пацану, как и тебе, Сергей Фёдорович, потом, между прочим, дало образование? Или к тому, что сегодня платит мизерную пенсию?

— Отец, сегодня другие... новые времена. Вот и считай, что твоё тогда недостающее нынче у меня... — сын говорил то, что приходило тут же на ум, не заботясь о смысле.

— Зря это ты, сын, на себя грех потащил, — грустно и тихо, опустив глаза, и уже вполне со смыслом проговорил Фёдор.

— Так складывается, па, — включая мысль, Нефёдов-младший пытается как-то сгладить тему разговора. — А иначе бы вовсе всё производство рухнуло, если бы не в одни руки. Всё бы просто растащили, и дело бы не состоялось. Не повернёшь время, батя. Посмотри, сколько людей сегодня из советской ничтожности к капиталу пробились, — он называл Фёдора батей редко, в тех случаях, когда был серьёзен и чем-либо озабочен. — И разве вернёшь нынешнего батюшку из нового прихода от кадила на автобазу к баранке, которую он при Советах крутил?

— Ты прав, не вернёшь, но попомни: вместе с кадилом ему окончанье досталось, — серьёзен был и Фёдор.

— Это почему же?

— А ты видел, как теперь бывший шофёр руку при встрече подаёт? Не для пожатия, для поцелуя тянет. Вот в этом-то и конец его. Отгородитесь от людей — кто мощной, кто должностью, кто крестом, на том и откроются никчёмность и излишества нового времени. Тогда и постареет враз времечко-то...

— Ну ты и хватил! Это ж когда будет? — сын попробовал отшутиться.

— Не за горами, сынок. Придёт — и не заметишь, как и Советам крах нашёлся нежданно-негаданно. Припомни, всего-то семь десятков лет. Так и тут будет, помяни моё слово.

— Ладно, пап, не кочевряжься! Твоё дело — ноги поправить, сердчишко малость поддержать. Или ты хочешь обузой на всех свалиться? — резонно укорил сын, и с ним нельзя было не согласиться. Обузой Фёдору быть не хотелось.

— Сынок, а может быть, не стоит растрачиваться так? — Нефёдов повёл глазами, оглядывая больничную «роскошь» в который уж раз. — Болезнь, она ведь, если серьёзная, всё равно свалит окончательно, а старого так и по-давно. А если так себе, как говорится, поболит, поболит да отпустит?..

— Если бы так все относились к своему здоровью, на земле давно бы перевелись народы, особенно те, что называются развитыми, — усмехнулся сын.

— А сам-то ты посмотри, как относишься! Кушать садишься — когда придётся, где придётся. Я заметил, что и ешь без аппетита. Сам-то давно у врачей был? — ворчал Фёдор, заглядывая в лицо сыну.

Тот увёл глаза в сторону.

— У меня ещё есть время, выберусь как-нибудь, — ответ у него получился почему-то грустным. — Вот тебя подлечим, с работой чуть управлюсь, дострою дом, переселимся, расставим всё по своим местам, ты с мамой ко мне переберёшься. Всё будет хорошо.

— Эх, сын! Я тоже всю жизнь расставлял всё по своим местам, а оно, вишь, не расставилось, теперь вот на тебя легло, — смирял свой норов Фёдор. — Но всё-таки, знаешь, стыдно мне как-то одному такое роскошество. Я бы тихо-тихо полежал в общей палате с мужиками, без этих твоих привилегий...

— Не те времена, батя. Зачем отказывать себе, если есть возможность? Ты этого достоин, — сын чуть смутился, чувствуя, что переходит на какой-то рекламный тон.

— Во-во! Вы эти достоинства с народа пообдирали да себе в возможности записали. Я так не умею, сын, пойми. Стыдно как-то! — Фёдора опять понесло.

— Но и свалиться мне обузой на шею я тебе не позволяю, — злился сын. — Либо лечись, либо...

— Подыхай! — вставил Нефёдов. — Вот за это спасибо, сынок! Дождался я наконец-то честного признания от тебя. Спасибочки и поклон тебе за твоё добродейство такое, — он театрально поклонился до пола.

— Не скоморошничай. Это начинает надоедать, — скривил губы сын.

— А может быть, ты в психушку меня запрёшь? Это в моде нынче. Есть у нас в городе такой бизнесмен — мать в дурдом определил за то, что она из коттеджа, что плохо лежит, что считала лишним да ценным, тащила на улицу и раздавала людям, прося при этом прощения за сына-богача.

— Пап, ну что ты городишь? Знаю я и старуху, и сына её, она действительно не в себе...

— Так она потому и свихнулась, что сынок лишнее гребёт под себя, — Фёдор понимал, что сыну нужно уходить, потому и не находил другой темы, потому и злился и не знал, как выплеснуть горечь из сердца.

— И как это вам, старикам, известно — что лишнее, а что в самый раз? — сын тоже страдал от расставания, всё тянул пустой разговор, словно винился в чём-то, потом разом настроился, словно отряхнул с себя ненужный груз: — Ну ладно! Это всё пустой разговор. Давай устраивайся и не скучай. Пойду с врачом переговорю. Через пару дней

наведаюсь... — неловко прижался лбом к отцовскому плечу, задержался чуть и, тут же отвернувшись, быстро вышел из палаты.

...После вечерних процедур долго сидел у окна. Порывами по стеклу шелестел снегом ветер, тоскливо попискивая в сгустившихся сумерках. «Ведь нынче равноденствие! — неожиданно вспомнилось, глядя на разыгравшуюся метель. — Надо же, весна, а поди ты — пуржит как в феврале...» Потом проглотил таблетки, принесённые медсестрой в маленьком пластиковом стаканчике, запил минералкой и, не снимая пижамы, завалился на кровать. Уснул не сразу, ворочался долго с боку на бок, пока не провалился в сон, как в глухую, непроницаемую мешанину тьмы со снегом. За окном к ночи ещё сильнее пошёл снег и сыпал густо, непроглядно почти до самого утра, изрядно покрывая дворы и крыши сине-белыми буграми.

...Из далёкого детства приснилась весна, приходящая по рыжей стерне выветренного за зиму луга в небольшой посёлок под городом между железной дорогой и рекой. Снился собирающийся на реку отец, в стёганой фуфайке поверх грубого водолазного свитера, в резиновых сапогах с высокими голенищами, притороченными на бёдрах к поясу. «На реке забереги ещё приличные, может быть, корюшка пойдёт к ночи, как в прошлом году, так рыбу со льда можно будет ловить. Федька, пойдёшь со мной?..»

Фёдор просыпается — так явственно слышен голос отца. Долго лежит, прислушиваясь, потом начинает вспоминать — и вот уж видит себя мальчишкой с разгоревшимися задором глазами, в материной фуфайке с затёртыми о коровьи бока рукавами, в её же кирзовых сапогах. За плечом, как и у отца, длинный шест с коробом нехитрой рыболовной снасти на конце. Идут голым лугом по раскисшей торной тропке к реке, мелькающей среди верб и посиневших черёмух. Уж издалека слышно, как томится вода в сумраке подо льдом и, лишь в прогретых солнцем местах под берегом изредка показывая норы свои, прорывается,

мутная и студёная, к свету и шумит на поверхности, выливая из берега серую глину.

Ночи тогда ещё стояли морозные, безжалостно выстуживающие всё, что за день робко оттаивало. Так что к утру окрест ледяной коркой покрывались и сырые под просевшим снегом лога, и дорога, бегущая полем от посёлка к реке, и сама река под панцирем тяжёлого, побуревшего и оплывшего местами бугристого осклизлого льда. Скованная ещё холодом, она, придавленная явно уже ненужной ледяной ношей, безмолвно томилась, ожидая тепла. Но вот на повороте, у самого берега, в ветвях ещё с осени свалившейся с обрыва вербины, пробуждающееся тело реки тугим свинцовым пузырьём прорывалось наверх и бурчало глухо, осмеливаясь нарушать стылую немоту рассвета.

— Эка норовит наружу выскочить! Того и гляди верхом попрёт... — торжествовал отец, мостясь у самой воды с небольшой сетчатой вершей на деревянных дугах, прилаженной к длинному шесту. — Я покажу тебе, как надо, а ты уж потом сам кумекай, как половчее сетку из воды тянуть.

Заводя рыболовное приспособление по течению, отец топил его прямо против себя и прижимал шест ногой. Удивительное дело: сетчатый короб, уйдя под воду и опершись в дно метра на два вглубь, как-то вмиг останавливался, лишь передавая шесту подёргивание напора ошалелой весенней воды. Постояв минуту-две, отец хватался покрепче за шест и, стараясь удержать сетку против течения, черпая воду как ковшом, быстро тащил, словно вырывал её из реки.

— Вот в таком духе и продолжай, — отец передал шест ему.

— А где же рыба?.. — недоуменно заглядывал в вершу под дуги он.

— Ну, больно уж ты прыток, паря! Рыбу ждать нужно. Помёрзнуть, помокнуть, помучаться, от рыбнадзора побегать, а главное — ждать, — и, глянув на погрустневшего подростка, задорно добавил: — Да ты не бойсь, будет тебе рыба. Не может не быть! Всегда была — значит, и нынче

будет, наш берег не обойдёт. Потерпи только, нынче ночью и пойдёт, я носом чую, — последнее он произносит почти шёпотом и с загадкой.

...Так всю ночь Фёдор и вспоминал детство, пока в окна не забрезжил рассвет. Первым делом глянул в окно. Снегопад давно прекратился, словно и не бывало. Ветер стих, и откуда-то сверху, словно ведром выливали, по голубеющей простыне неба расплескался чуть розовый свет. Через улочку продовольственный магазин уже ожил людской суетой. По улице ещё до открытия магазина прошёл небольшой грейдер и утащил с основной дороги снег куда-то, вероятно, в большую кучу на главном проспекте, и на очищенном асфальте тут же побежал вдоль колеи ручеёк, в который, ловко управляясь большой лопатой, ладный чернявый молодец без головного убора отбрасывал от стены снег.

Напротив берёза за окнами, вымахав среди зданий выше третьего этажа клинки, поражала своей изрядно густой кроной. Что-то ущербное проглядывалось и в этой гуще ветвей, прогнувшихся под комками сырого снега, и в излишней высоте, верно, вызванной близостью высоких кирпичных стен. «Эк её вверх к солнышку вытягивает. Где и силу среди камней берёт?..» — думалось Фёдору. У самой земли ствол берёзы уродливо кривился наполовину затянувшейся рваной щербиной, доставшейся дереву от какого-то сильного удара, вероятно, года три-четыре назад. «Вот причина-то изъяна! — догадался Фёдор. — Вот так и человек в городе — пыжится, силится прорваться, выбиться норовит среди многолюдья, а потом торчит жердью кособоким в каменном окружении, раны подсчитывает да всё сокрушается над одиночеством своим...»

...Осилив три ночи в отдельной палате, Фёдор, чтобы быть поближе к обществу, выпросил у врача другое место. Тот, не удивляясь, молча, с удивительно бесстрастным лицом, разрешил перебраться «страдальцу» в пятиместную комнату, предназначенную, как говорят, для ходячих,

готовящихся к выписке домой и, в общем-то, на вид не таких уж и больных.

В палате новичка встретили молча, хотя перво-наперво Фёдор довольно громко поздоровался. Тут же определился с кроватью; жалеючи чистую наволочку, одеяло приловчил сверху, прикрывая одним разом и подушку. Молча прилёг.

— Ты же, дед, в «люксе», кажись, пробавлялся, — словно нехотя оторвавшись от книги, из угла чуть с издёвкой спросил с виду из-за изрядной щетины на щеках угрюмый мужик неопределённого возраста.

— Скучно показалось, решил вот к вам перебраться, — охотно отозвался Фёдор.

— Тоскливо, значит, в одиночку жировать? — не унимался небритый.

— Меня Фёдором зовут, — стараясь не замечать подначки, Нефёдов заводил разговор. — Да и вы, братцы, тут не бедно живёте...

— А меня Мотей почему-то все зовут, — весело отозвался мальчишка через проход с койки напротив и ловко уселся, подобрав под себя ноги, всем видом показывая, что не прочь поболтать.

— С тобой-то как раз всё понятно: Мотя — значит, Матвей, хотя и непонятно, из каких соображений тебя в наши времена так нарекли. А вот этого Нефёда как будем называть, если его на самом деле Фёдором кличут? — не то шутил, не то всерьёз продолжал угрюмый.

— Так вы и по фамилии уж меня просекли? — недоумевал Фёдор.

— А что тут хитрого? Серёга... ваш в городе в крутых числится, и все его Нефёдом так и называют за глаза, — из другого угла просто заговорил молодой, крепкий с виду парень с излишним, однако, румянцем на скулах.

— Ах, вот оно как, — Фёдор будто бы удивился.

— Меня в честь какого-то прадеда назвали, — не без гордости заулыбался Мотя.

— Это хорошо, когда старое не забывается, — задумчиво заговорил, поворачиваясь лицом от стены, худой старик

с пятой кровати, что приютилась в углу на входе, почти у самой двери.

И через минуту уж все говорили о чём-то пустом и ненужном, совсем далёком от больницы и хворей, неспешно перекидываясь репликами и не перебивая друг друга.

...Двухнедельное пребывание среди выздоравливающих, несомненно, пошло Фёдору на пользу. Он чувствовал себя после капельниц и всяческих процедур вполне сносно и подумывал, поглядывая на весеннюю улицу, о возврате домой. Народ в палате после утреннего гомона и обхода врачей, как обычно, разбегался либо затихал в предобеденном подрёмывании. За окном всю разгулялся апрель. В начале месяца много дождало. В такую погоду всегда слякотно, потому зябко и тоскливо чувствуешь себя не только в больнице. Но наперекор всему подбиралась в город настоящая весна. Давеча к вечеру с моря пополз хмарью туман: мощно, неодолимый, сырой чуть с ветерком, холодный, бесшумно, с ленцой, но упрямо, как поднимающееся на дрожжах тесто из горшка у плохой хозяйки. А ночью туман отяжелел, не выдержал перепада температур и упал снегом, как дырявою простынёй, на заждавшиеся тепла городские улицы. К обеду снега уже нет, растаял. На солнечной стороне крыш как будто и совсем не бывало. С севера же ещё полежит до завтрашнего утра, подхолаживая прогреваемый уже весёлым солнышком воздух меж улиц. К вечеру обязательно заглянет в окно красивый алый закат, разгулявшись яро по небу всполохами перистых разводов.

«Эвон как полезла трава у солнечной стены магазина...» — глядя в окно, думалось радостно, с какой-то захватывающей сердце надеждой на скорое настоящее тепло. Тут же Фёдор разглядел горбатую старушонку с большой хозяйственной сумкой, согнувшуюся то ли под тяжестью ноши, то ли так уж судьба нагрузила до надрыва, до горба. В левой руке сума почти волочится по земле, а правой рукой старая опирается неестественным образом на своё

колени. Как у всех горбунов, её длинные пальцы крючьями впились в чёрную, до самого пола, юбку. Чуть приподнятая головёнка, навсегда скорбное лицо, насупленный взгляд из-под платка и отчаянная устремлённость вперёд. Пришло в голову: «Кому-то судьба даёт стать, гонор, ровную спину, важную осанку, а кому-то, вот как этой карге, горб и походку пресмыкающегося, загребушие руки и крючковатый нос. А душа?.. Какая душа у этой бабки? Если такая же, как её горб, то и подумать о человеке страшно. Но, надо признать, природа всегда уравнивает в своих опытах свойства вещей. По всем признакам у старухи должна быть замечательная человеческая душа...» Он улыбнулся своим рассуждениям и словно в их подтверждение увидел, как к нагружившейся горбунье подбежала юркая девчонка лет десяти, ловко перехватила сумку, а старуха в этот миг чуть выпрямилась и будто бы подросла.

Глядя в их удаляющиеся спины, Фёдор вслух весело проговорил:

— Сбегу-ка я на пару деньков из больницы! Не сторит же она за это время, а я поброжу по знакомым местам, по-вспоминаю, может быть, и встречу кого...

В палате его заявления словно не услышали, только Мотя, оторвавшись от книги, восхитился громко:

— Во дед даёт!..

А Фёдор встал, решительно отошёл от окна и засоби-рался, не думая вообще о серьёзности задуманного мероприятия. Во всю его солидную стариковскую сущность вдруг ворвалось необъяснимое мальчишеское озорство...

Продолжение следует